

ВЛАДИМИР КОВАЛЕНКО

неороман

БИБЛИОТЕКА

РЕДАКЦИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

Серия «НЕОРОМАН»

Разработка серии и дизайн *В. А. Воронина*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется
по закону*

Глава I. «Статуя с короной на голове приветствует тебя»

Поначалу самым страшным было привыкнуть к мысли, что я здесь совсем один. Воображение спотыкалось об образ бесконечного пространства, заставленного книгами, где коридоры расходятся так далеко, что невозможно представить или записать, зарисовать, потому что ни один лист бумаги во Вселенной не способен хранить столько информации.

«Статуя с короной на голове приветствует тебя».

Именно эта надпись высечена на кубовидном пьедестале каждого изваяния. Пьедестале с острыми гранями, возвышающимся до половины человеческого роста. Каменные фигуры огромны. Они словно устремляются к высоким потолкам коридоров, чуть ли не подпирают их. Все статуи изображают один мотив — женщину со склонённой головой,

почти всю фигуру которой скрывает мантия. Лицо у неё грустное, она как будто ожидает чего-то несбыточного. Наверное, такое чувство бывает, когда в конце ноября вдруг осознаёшь, что смысл есть только в весне.

Одинаковые скульптуры расположены по пространству всей Библиотеки — равноудалённо, на перекрёстках бесконечных коридоров. Их головы венчают лёгкие изящные короны, скорее даже небольшие диадемы с аккуратными, плавно закруглёнными зубчиками. На изваяниях нет выщербин, мха или других следов времени. У идущего по коридорам, то есть у меня, создаётся впечатление, что подобная расстановка — игра какого-то неведомого титана, гиганта или другого создания, для которого многотонные глыбы — игрушки.

Но не только статуи страшат. Вся Библиотека кажется неземной и запретной. Всё пространство будто застыло во времени. Кажется, что всё стоит на месте, и только я один перемещаюсь по бесконечной сети лабиринта, нарушая непоколебимое величественное спокойствие. Даже ветра или сквозня-

ка здесь нет, только безмятежное спокойствие. Сам по себе этот лабиринт незатейлив и представляет лишь однотипный квадратичный узор, повторяющийся бессчётное количество раз, пожалуй, бесконечно. Но любой человек в здравом уме тут же заявит, что никаких беспредельных вещей, и уж тем более зданий, не существует.

Но оказавшись здесь, можно усомниться в невозможности бесконечных пространств. Как минимум можно чуть-чуть спятить. Одинаковые коридоры имеют одинаковый вид, единое исполнение, освещение и материал, из которого они сделаны. Коридоры соединяют между собой колоссальные залы с пёстрыми витражными окнами во всю стену в готическом металлическом переплёте.

Но самое удивительное, что коридоры, статуи и залы повторяются раз за разом: они одинаковы настолько, что в первое время сознание теряется, и ты начинаешь бояться. Хочется озираться по сторонам, искать угрозу, прислушиваться, не скрежещут ли острые когти по потолку и не раздаётся ли сбивчивый топот в отдалении?

Владимир Коваленко

Наполнение, то есть сами книги — разные.

Невообразимо, но каждая зала наполнена бумажными книгами, которые занимают гигантские полки до самого потолка. Полки располагаются в три больших яруса, к верхним ведут лихо закрученные лестницы, либо простые приставные хлипкие лакированные лесенки. Сначала это успокаивает, пока не задаёшься вопросами. Расположение книг хаотично — их невозможно классифицировать никоим образом. Сборник старой фантастики стоит рядом с учебником по биологии, а следом может располагаться древний мистический текст, после которого будет томик Кортасара или Пруста. Потом поваренная книга лучших баварских рецептов, архив бухгалтерии лесопилки в Сиаме за 1936 год и следом — бульварный роман про любовь.

Систематизации нет в авторах, цветах обложек и названиях — в большинстве залов книги расставлены в произвольном порядке. Но расставлены аккуратно, ровно настолько, что корешки не выпирают или не вдаются вглубь

в стройном ряде. Под книги можно подложить линейку и ни один корешок не будет выбиваться из безупречной линии. В такой расстановке видна упорная работа, проведённая неким неведомым деятелем. Может, библиотекарем. Или множеством библиотекарей.

В некоторых залах книги словно специально перекладывали, рылись в них и искали что-то. Признаться честно, здесь становилось страшно. Много думать — иногда очень вредно, а надумывать — ещё вреднее. Но кто это мог так усердно заниматься книгами до меня? Не те ли самые библиотекари, которые столь усердно расставляли их? И если рылись они, то что искали? Чем обусловлен выбор одних залов и игнорирование других?

Но самое странное, что некоторая часть книг — пуста. В каких-то залах таких книг совсем немного, а в других почти половина. Эти тома состоят из белых, гладких листов, на которых совсем ничего нет, даже следов букв. Больше похожат на блокноты даже без названия и автора. Только сотни белых, ровных страниц между двумя пустыми

обложками. Смысл их нахождения в Библиотеке я не мог понять, полагая, что это какая-то ошибка. Или ещё хуже — чья-то шутка.

Витражи могли бы послужить ключом к пониманию загадки лабиринта, если бы представляли из себя хоть немного считываемый образ, поддающийся объяснению. Но, к моему сожалению, каждый витраж — это всего лишь беспорядочная мозаика из оранжевых, красных и синих кусков мутного, толстого стекла. Никакой организации, задумки, закономерностей в рисунках нет, или у меня не получилось их обнаружить. В какой-то комнате преобладает синее стекло, в какой-то оранжевое или красное.

Свет извне преломляется в каждой зале по-особенному и придаёт помещению индивидуальность, создавая внутри неповторимое освещение и настроение. Сквозь разноцветное стекло ничего не видно. Точнее видны лишь бесформенные рыхлые очертания, но из-за кривизны материала не разобрать образа то ли города, то ли стены, то ли старых, обсыпавшихся гор снаружи.

Библиотека

Солнце, а может это не солнце вообще, а любой осветительный прибор наверху, достаточно яркий, чтобы озарить каждый зал Библиотеки, никогда не заходит. Или его никогда не выключают.

Каким образом каждая зала расположена так, что обращена к светилу — невозможно представить. И судя по конструкции Библиотеки, залы должны вплотную прилегать друг к другу, но... это пугает не хуже статуи, в каждой комнате есть свет. Скорее всего, в таком случае за каждым витражом расположена огромная лампа. Но кто тогда и как, а главное, какой энергией освещает такие невообразимые пространства?

* * *

Я передвигался по коридорам уже достаточно давно, чтобы составить некоторое подобие карты в голове. Сколько точно прошло времени, сказать невозможно, потому что отсутствовала смена дня и ночи. Солнце не заходило, а проще говоря, свет не выключался. Да и в существовании солнца не было уверенности. Часов электронных или

механических, со стрелками или песочных нет ни у меня, ни в помещениях. Лишь через какое-то время странствий я начал замечать, что бесконечная система залов и коридоров выстраивается в причудливую сеть, построенную по принципу радиально-круговой формы, в которой квадратичный узор перекрёстков коридоров — это лишь скромная часть, как сота в огромной системе улья.

Но в этом улье пчелой был только я.

Одни коридоры идут от центра под углом, другие пересекают их почти перпендикулярно, но тоже под углом. Объём строения поистине огромен. Книги в системе не повторяются, я ни разу не видел двух одинаковых, но в каждом зале книг ровно одно количество — 20 650. У меня было достаточно времени, чтобы не только прочитать часть книг, но и пересчитать в разных залах в разных точках лабиринта, пока пытался понять, что к чему.

Выбор направления был обусловлен банальной пространственной логикой — количество залов говорило о существующей возможности этого

строения расширяться если не до бесконечности, то хотя бы увеличиваться на очень большие расстояния. А радикально-круговая форма предполагала наличие центра, в котором традиционно располагается что-то важное; например, в городе с такой структурой в центре может быть кафедральный собор, ратуша или кремль. В центре Библиотеки обычно располагается её ядро — то, что позволяет жить всему книгохранилищу, — библиотекарь. А значит, кто-то мог знать о системе этого пространства, поэтому я и шёл за ответами.

И вот ещё одна странность — чем ближе я приближался к центру, тем меньше становилось пустых книг.

Ночевал в залах. На всякий случай закрывал дверь и ложился где-нибудь на втором или третьем ярусе, подложив под голову пару книг. Спустя несколько ночёвок пришло понимание, что можно измерять время количеством ночёвок. То есть снов.

Но забавно, что сны в Библиотеке ни разу не снились.

Только сплошная темнота.

Но как я оказался здесь?

Владимир Коваленко

Этот вопрос мучил постоянно, словно навязчиво жужжа над ухом.

Из всего, что было до, я помнил только родительский дом и то обрывками, какими-то вкраплениями. Во всём бескрайнем космосе человеческой памяти, в этом бездонном колодце чувств, воспоминаний и эмоций запомнил не своё имя, не фамилию, не место работы, голоса детей или лицо супруги. Если супруга у меня, конечно, была. Запомнил родительский дом.

Любая попытка вспомнить что-то ещё приводила к ступору и словно вызывала туман в голове. Среди тумана, как огни на болотах, вспыхивали кусочки эмоций, крошки предыдущей жизни. Например, на слово «туман» пронеслась строчка из стихотворения: *«Туман своею жёлтой шерстью трётся о стекло, дым своею жёлтой мордой тычется в стекло».*

А дальше обрыв. И темнота. Как бы ни старался, не получалось вспомнить, как этот текст попал в голову, кто его написал и почему именно его я вспоминал. При этом я знал о правилах мира, из которого пришёл, — мог назвать

страны, континенты, правила дорожного движения и литературные произведения.

Получается, что до появления в Библиотеке я где-то существовал и что-то делал. Только не мог вспомнить.

Всё, что осталось явно, — это родительский дом в разных оторванных частях фрагментов. Место радости и печали, которое таит в себе самые сокровенные волшебства из всех возможных. Дом всегда связан с детством, самым тёплым и нежным, что есть у каждого человека. Кто не бродил по родительскому дому со свечой в короткие моменты, когда выключали электричество, и не представлял, что он в старом замке? Или кто из ныне живущих не строил шалаш из простыней или покрывал? А потом не сидел с фонариком в этом укрытии и не читал книгу за книгой?

Именно там, в детской кровати, на рубеже, когда таинственная и неосознанная темнота первых лет жизни отступает, ты по-настоящему осознаёшь мир вокруг. Особо сильно в то время запоминаются чудеса новогодней ёлки, переливы огней гирлянд обещают

настоящее новогоднее чудо. И в то время чудо ещё не кажется чем-то далёким, как горная дымка, исчезающая на горизонте. В детстве чудо реально.

«Туман своею жёлтой шерстью трётся о стекло, дым своею жёлтой мордой тычется в стекло».

Дом родителей являлся обычным двухэтажным, расположенным недалеко от города, но достаточно, чтобы летней ночью можно было услышать пение цикад. Небольшой навес перед крыльцом, милые ворота с узором, заборчик, грядки с чесноком, картошкой, клубникой, петрушкой и бог знает чем ещё, раскидистые плодовые деревья, дровник, гараж. Всё очень просто, как и положено для уюта.

По извилистой дороге — удобно пройти к большому полю, на котором выпасали коров и носились игривые соседские собаки. За полем пролегалла быстрая и шумная речка, холодная даже в самый жаркий летний день. За ней расположилась вязовая роща, от которой тропинка вела к покинутому кирпичному заводу, чья подובвалившаяся башня нависала над всей округой.

Издалека казалось, что это и не заводское строение вовсе, а пристанище колдуна. Двигаясь дальше, можно подойти к залитым водой глиняным карьерам, в чьих водах резвились ротаны и караси, густому лесу, переходящему в поляны и холмы, покрытые пышными кустарниками.

В этом лесу весело бегать среди деревьев, представлять, что ты в сказке. Совсем в детстве хотелось уходить рано утром и слоняться по тёмным зарослям в поисках ягод и огромных, ветвистых старых деревьев, в чьих спускающихся к земле ветках так приятно сидеть, не думая ни о чём, наблюдая, как плавно покачиваются листья на ветру, словно целое море.

Воздушной простотой и уютом был важен этот дом и вся округа для его обитателей и тех, кто возвращался сюда после долгого перерыва.

К моменту, как начиналась война, я не был в родительском доме уже добрых пять лет.

Когда началась война, я отправился к родным, чтобы вместе решить, что делать. Южный промышленный город,